

ОСТЫЛЫЙ СОЛДАТ ВОЙЦЕК
(по мотивам недописанной пьесы Георга Бюхнера)

Действующие лица:

Войцек.

Мария.

Судья.

Капитан.

Доктор.

Тамбурмажор.

Дурачок Карл.

Вилда.

Горожане, музыканты.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

1. Городская площадь.

Судья держит в руке кружку пива.

СУДЬЯ. Хорошее убийство, настоящее убийство, прекрасное убийство. Лучше и требовать нельзя. Давно уже у нас ничего такого не было.

Залом допивает пиво, берется за вторую кружку.

Прекрасное убийство!.. Это великолепное убийство! Самое настоящее убийство, какое я только мог видеть или представить себе. А у меня прекрасная фантазия, правда, фройлен Ирмалинда (*Все смеются*). Ну что же вы господа смеетесь над правдой? Действительно у меня прекрасная фантазия, и это действительно прекрасное убийство! Всем пришедшим на суд по кружке пива! (*Толпа ликует*) Что вы думаете об этом, господин Капитан?

КАПИТАН. Я лучше бы выпил забытого киршвассера, от пива у меня колики и метеоризм. (*Все смеются*) Не понимаю, зачем смеяться, будто вы сами не страдаете метеоризмом?

ДОКТОР. Действительно, господа, метеоризм это не болезнь, это потребность организма, вы все дышите воздухом, он проникает в желудок, блуждает там, и не найдя верхнего выхода выходит через нижний, так устроен наш организм.

КАПИТАН. Даже обидно становится от этой безграмотной толпы. Учитесь, познавайте, читайте священные книги, в книгах открывается множество тайн, и ум ваш становится сильнее, прочнее... тверже, я хотел сказать тверже!

СУДЬЯ. Господин Капитан, но я спрашивал вас об убийстве, а не о пиве. Метеоризм и убийство – абсолютно разные вещи.

ИЗ ТОЛПЫ. А вдруг, господин Капитан уже прострелил насквозь свои штаны! Его нужно судить за убийство штанов!

КАПИТАН. Что за хамство?

СУДЬЯ. Тише, тише, вы все же не на рынке, не в балагане, не на ярмарке, празднестве, дне рождения, свадьбе и даже не на похоронах. Хотя за убийством и следуют похороны. Но они завтра, вот завтра и нагальдимся вдоволь. А сейчас мы на суде, у нас суд господа, в связи с прекрасным убийством, поэтому ведите себя тише, или как любил говаривать мой дед: "требую тишины". Тем более, что я задал господину капитану вопрос, а перебивать уважаемого человека глупыми выкриками - бестактно. Ах, да, крикуна я прошу сегодня же обезглавить, и бросить его голову в поле, поближе к туманной границе. (*Все замолкают*). Прошу вас, господин капитан, не обращать внимания на скот, продолжайте.

КАПИТАН. Благодарю вас, господин Судья, но, к сожалению, я позабыл вопрос, который вы задавали мне.

Одинокий смех.

СУДЬЯ. Войцек, что рассмешило тебя в речи господина Капитана?

ВОЙЦЕК. Ничего, господин судья. Просто я думал о метеоризме.

СУДЬЯ. И что смешного ты нашел в устройстве нашего организма?

ВОЙЦЕК. Не знаю, в праве ли я разглашать врачебную тайну...

ДОКТОР. Говори, Войцек, достояние науки есть достояние человечества.

ВОЙЦЕК. Да, господин Доктор. *(Судье)* Я могу продолжать?

СУДЬЯ. Продолжай Войцек.

ВОЙЦЕК. Благодарю вас... Господин Доктор ставит эксперимент, и я постоянно ем горох, только один горох, как это написано у нас в договоре.

ДОКТОР. И больше ничего?

ВОЙЦЕК. Да, господин Доктор, и больше ничего.

СУДЬЯ. И что же отсюда следует?

ДОКТОР. Эксперимент!

СУДЬЯ. Я понимаю, что эксперимент, но о чем же думал Войцек?

ДОКТОР. Стоит ли думать простому человеку, господин Судья?

СУДЬЯ. Все верно, господин Доктор, если каждый начнет думать, то и нам придется перейти на горох, но все же! О чем же ты думал, Войцек?

ВОЙЦЕК. Я думал о том, господин Судья, что высушенный горох напоминает формой своей землю.

СУДЬЯ. Я надеюсь, Войцек, ты говоришь о половине горошины?

ВОЙЦЕК. Конечно, господин Судья.

КАПИТАН. Войцек прилежно слушает мои речи об устройстве мира, пока ежедневно остригает мне ногти на ногах.

СУДЬЯ. Продолжай Войцек.

ВОЙЦЕК. Горошина, формой своей, напоминает землю, и тверда как камень. Как же она может вызывать столь сильный метеоризм? И я осмелился подумать. И подумал: значит в горошине очень много благодатного для нас воздуха! Ведь целая горошина, своей округлостью, напоминает нам барабан в оркестре Тамбурмажора, который тоже наполнен воздухом, как и горох. Но более того, она напоминает голову Тамбурмажора, которая одновременно похожа и на барабан, округлостью своей напоминающий горох, который наполнен воздухом. Выходит, что голова Тамбурмажора так же пуста как барабан, и тверда как камень. То есть горошина. Значит голова Тамбурмажора - горошина. *(Толпа смеется)*

ДОКТОР. Это нужно записать...

СУДЬЯ. Что же вы ржете, как лошади? Господин Доктор увидел в этом смысл.

КАПИТАН. Смысл, говорю это для вас, безмозглые твари, смысл – это сущность феномена! И Войцек далеко ушел от вас в этом понимании.

ДОКТОР. Можно провести прекрасный эксперимент!

ИЗ ТОЛПЫ. Расколоть голову Тамбурмажора?!

СУДЬЯ. Тише, призываю к порядку! Почему этого крикуна до их пор не обезглавили? Немедленно уведите его и отрубите голову. О чем это я? Да! Если Тамбурмажор совершит какое-нибудь прекрасное убийство, или нарушит комендантский час, или обманет высшего, или утаит налог, или совершит еще какой проступок против нашего общества, тогда мы и расколем ему голову.

ДОКТОР. Ради науки!

СУДЬЯ. Разумеется ради науки, господин Доктор. Но пока, пусть Тамбурмажор радуется своей горошиной, то есть головой. Решение принято! Человека, что попытался обмануть господина доктора...

ДОКТОР. Его зовут Мориц.

СУДЬЯ. Какая мне разница до его имени?! Плевать я хотел на их имена. Имена их ничего не значат!

КАПИТАН. "И только пост занимаемый человеком определяет его мысли и сознание"...

СУДЬЯ. Его желания и действия, мы все это прекрасно знаем, господин Капитан. Не перебивайте, хочется поскорее покончить с этим делом. Так вот... да... благо прошли те времена, когда за обман мы наказывали обманом, за воровство воровством, за измену изменой, а за убийство убийством. Благо. Теперь мы просто лишаем жизни даже того, кто осмеливается подумать о нарушении закона. Приговор прост – лишить жизни!

ДОКТОР. Но каким путем? Я бы хотел знать, каким путем этого обманщика лишат жизни. Ведь он ограничил свою жену Вилду в доступе воздуха по средствам удушения, чтобы та не могла принимать участие в моём эксперименте. Какое коварство, какой вред науке! Сговор! Жаль мы не можем наказать жену, пусть она уже и наказана.

СУДЬЯ. Если хотите, можете выбрать сами наказание.

ДОКТОР. Мне нужно подумать.

СУДЬЯ. Нет времени думать. Завтра похороны, нам нужно подготовиться. Так! Приговор – лишить жизни, путем лишения жизни! Если хотите, господин доктор, можете присутствовать на казни, или даже помочь. Налог «на деяние в пользу общества» с вас не взыщут.

ДОКТОР. Спасибо, господин судья.

СУДЬЯ. Всё, все расходимся, суд окончен. Оставшееся пиво слить в бочку, завтра мы разопьем его на похоронах. Всех прошу подготовиться, вычистить одежду, причесать детей и мужей. Сегодня вечером по улицам пройдет господин Капитан, который будет слушать, кто не распевается, и не повторяет наш радужный репертуар перед похоронами. И не забудьте ложки, противно смотреть, как вы жрете руками... Ах, да, крикуна обезглавить сегодня же! Всё!

Толпа расходится.

СУДЬЯ. Мне кажется, занятно посидели... Жаль. Как жаль, что у нас так мало происходит преступлений. Вы знаете, господа, иногда я начинаю скучать. Да, да, скучать. И такая тоска находит на меня. Взял бы, и своими руками удушил кого-нибудь, чтобы меня самого судили.

КАПИТАН. Ну что вы, как можно? Мы имеем право не представлять перед судом. А книги говорят, что так было и раньше. Распределительная справедливость, равным – равное, неравным – неравное.

ДОКТОР. Может быть, свежевать этого обманщика, я бы мог понаблюдать за свертыванием крови.

СУДЬЯ. Не забивайте голову всякой ерундой. Отдохните, хотя бы сегодня. Даже если его убьют самым обыкновенным способом, нам до этого нет никакого дела.

КАПИТАН. Конечно, ведь суть данного убийства не в способе, а в удержании порядка.

ДОКТОР. Вы правы. Пойду готовиться к завтрашним похоронам. Кстати, в чём вы думаете завтра пойти?

КАПИТАН. Нагим.

СУДЬЯ. Пожалуй, и я. Нужно чтобы завтра все прекрасно отдохнули. Что может быть для них лучше прекрасного отдыха? Это расслабляет их мысли.

Судья смеется, плюет в бочку с пивом. Все уходят.

2. Поле.

Вечер. Войцек ходит по полю, что-то ищет, за спиной у него вещмешок. Через какое-то время он видит в кустах голову "крикуна", подходит, опускается на колени.

ВОЙЦЕК. Эх, зачем же ты сделал это, Андрес? Зачем тебе нужно было оскорблять господина Капитана? Его штаны и так дырявы... Нет, нет, мне нельзя так думать, за это наши головы могут валяться рядом в этом проклятом месте.

Помнишь, помнишь, как я рассказывал тебе историю о парне, который вон в том месте, где в траве видна светлая полоса, где густо растут грибы-дождевики, схватил катящуюся голову, а через трое суток его вынесли вперед ногами? Кто знает, может быть за то, что я подобрал тебя, Андрес, и меня скоро вынесут вперед ногами, но я не думаю, что ты желаешь мне зла. Ведь я прекрасно знаю, что ты не ежик, бегущий по дороге, ты мой друг.

Войцек достает из вещмешка банку с какой-то жидкостью, кладет в неё голову.

Надо сказать спасибо Доктору, который не заметил пропажи этой банки, теперь ты будешь со мной, Андрес. На это преступление я пошел ради тебя, мой друг, и надеюсь, что все это останется только нашей тайной.

Войцек обнимает банку, смотрит на закат.

С кем же теперь я буду разговаривать, когда меня снова отправят собирать хворост на туманную границу, кто будет вместе со мной бежать по капитанским приказам? И я скажу тебе, Андрес. Это будешь ты! Теперь ты всегда будешь со мной, потому что мне, как и тебе, страшно оставаться одному. Слышишь, как страшно бьют барабаны? Слышишь, как этот дурачок Карл, мимо ритма бьет в свою железяку? Он говорит, что раньше, услышав этот звон, люди шли есть. Какая глупость, правда, Андрес, человек ест не от того, что услышал звон железяки, а от того, что тело его говорит, что заканчивается ресурс. Правда, красивое слово – ресурс. Мне сказал его господин Капитан, оно очень старое и учёное. Так складывается наша жизнь, Андрес. У человека очень короткая жизнь, очень, очень короткая. Как у бабочки. Как только рождается ребенок, он сразу начинает кричать, потому что человек нуждается в ресурсе и ему нужна новая порция. В животе женщины ребенок постоянно получает ресурс, через пуповину.

На какое-то время Войцек замолкает.

Подожди, Андрес, получается, что главным ресурсом человека и является сам человек. Женщина. Ведь мужчина не может. Как же интересно поговорить с тобой, Андрес. Как я рад, что мы снова вместе. Завтра я обязательно расскажу о нашем разговоре доктору, мне кажется, что в этом есть что-то научное. Может быть, мы тобой совершили открытие!

Войцек ставит банку на землю.

Ты слышал этот звук? Мне кажется, что земля внутри пустая. Я скажу тебе по секрету, ведь мы друзья. Мне кажется, что нас обманывают, земля не может выглядеть, как половина горошины, в мире нет половины. Даже Луна, хоть и расколота на две части, раз в месяц соединяется. Не зря мы называем это полнолунием. Видишь, и Луна целая. Ведь не растёт же половины дерева, половина птицы не может летать. Все целое. И земля должна быть целой. Барабан в оркестре тамбурмажора не будет так громко звучать, если у него убрать одну половину. Отчего же тогда земля так звучит?

Ударяет банкой о землю.

Слышишь? Слышишь этот звук?

Еще раз ударяет банкой о землю.

Она пустая и целая! Она пустая и целая, Андрес! Но только об этом никому, договорились? Я бы пока не хотел, чтобы наши головы встретились.

Смотри, какое зарево над городом, как будто все небо горит. Мне снова страшно, Андрес, и только с тобой я могу этим поделиться. Только с тобой. Мы есть мир, мы есть земля, пустые и целые. Нет. Пустые, но целые, Андрес, пустые, но целые.

Пора уходить, скоро вечерняя проверка к завтрашним похоронам, не хотелось бы подвести Марию, чтобы она одна отдувалась в пении. Идем, Андрес, идем!

Войцек убирает банку в вещмешок, уходит. Слышно, как где-то в городе люди поют поминальные песни.

3. У Капитана.

Капитан сидит за столом, читает, хотя правильно сказать просматривает книги. Периодически он выкрикивает "свиньи" и вырывает страницы из книги, разрывает их на части, бросает себе под ноги, топчет. Но когда написанное в книге ему нравится, он поднимает глаза вверх и зачарованно повторяет понравившуюся ему фразу. Потом берет заготовленные бумажечки-закладки и вкладывает в книгу. Входит Войцек.

ВОЙЦЕК. Доброе утро, господин Капитан!

КАПИТАН. Тише, Войцек. Входи, но пока не мешай мне, ныне и присно и во веки веков.

ВОЙЦЕК. Что-то новое, господин Капитан?

КАПИТАН. Ежедневно пополняй знания свои.

ВОЙЦЕК. Да, господин Капитан.

КАПИТАН. Знаешь, Войцек, почему голова моя не имеет волос?

ВОЙЦЕК. Нет, господин Капитан.

КАПИТАН. От того, что ежедневно читаю книги и пополняю знания свои. Ведь в знаниях, Войцек, заложены смыслы и тайны нашей жизни.

ВОЙЦЕК. Всенепременно, господин Капитан.

Капитан смотрит на Войцека, лицо его искажает гримаса недовольства.

КАПИТАН. Говорю же тебе - не мешай.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин...

Капитан прикладывает палец к губам, Войцек замолкает. Какое-то время Войцек стоит у двери, потом аккуратно снимает с плеча вещмешок и ставит его на пол, но потом, передумав, ставит его на кушетку. Капитан губами повторяет какую-то фразу, радостно улыбается, закрывает книгу.

КАПИТАН. Что принес ты с собой, Войцек?

ВОЙЦЕК. Ничего, господин Капитан. Так, пустяки.

КАПИТАН. И нужно ли носить пустяки на спине своей, Войцек? Пустяки нужно оставлять за своей спиной, тогда, Войцек, ты будешь думать о деле, и ничто не сможет отвлекать тебя от правильной жизни.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин Капитан.

КАПИТАН. Хоть ты и многое делаешь правильно, но напомним тебе, Войцек, будь послушен, и послушанием своим ты не дашь нам сойти с правильного пути, и не отвлечешь от забот мысли наши... и свои.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин Капитан! Я и не собирался отвлекать вас.

КАПИТАН. Это хорошо, Войцек, это хорошо. Ну, что же, приступим, нужно подготовиться к сегодняшним похоронам. Не хотелось бы мне прорвать новые сапоги.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин Капитан.

Войцек отодвигает стол, снимает с ног капитана домашние тапочки, достает ножницы и пилочку, начинает аккуратно остригать ногти на ногах капитана.

КАПИТАН. Ты знаешь, Войцек, сколько сапог я изорвал, мучаясь с этими ногтями?

ВОЙЦЕК. Да, господин Капитан.

КАПИТАН. Вот тебе и жизнь, но я не зол, не сожалею, не ропщу. Я принимаю это как данность. Жизнь. Вот и тебе необходимо так же относиться к жизни, твои обязанности, твоя служба, это то, что заставляет тебя быть послушным, спокойным, заставляет тебя жить, как подобает жить прилежному гражданину.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин Капитан.

КАПИТАН. Что ты все заладил, так точно, так точно?! Неужели ты не можешь ответить что-нибудь другое, неужели у тебя нет своего мнения?

ВОЙЦЕК. Не знаю, господин Капитан, имею ли я право на свое мнение, мое дело нести службу, выполнять поручения и команды. Вы же сами знаете, что мне, простому солдату, важно выполнять приказы, а не обсуждать их.

КАПИТАН. Это верно, Войцек, но тебе нельзя забывать, что ты неоантроп. Ты знаешь кто такой неоантроп?

ВОЙЦЕК. Так точно, господин капитан. Это обобщенное название людей современного вида.

КАПИТАН. Современного, Войцек, это очень важно. Книги говорят со мной. Ты умеешь читать?

ВОЙЦЕК. Вы прекрасно знаете, что я умею читать только для того, чтобы понимать приказы, написанные вами, и рецепты господина Доктора.

КАПИТАН. Если бы, Войцек, ты имел доступ к книгам, если бы они говорили с тобой, как со мной... Скажи мне, Войцек, а хотел бы ты иметь доступ к моей библиотеке?

ВОЙЦЕК. Не знаю, хватит ли мне времени на это?

КАПИТАН. Так хотел бы или нет?.. Почему ты молчишь, Войцек?

ВОЙЦЕК. Так точно, господин Капитан, хотел.

КАПИТАН. Это хорошо! Ведь удивительно устроена наша жизнь, ведь это одновременно и хорошо и опасно.

ВОЙЦЕК. Почему же опасно, господин Капитан?

Капитан смотрит Войцеку в глаза.

КАПИТАН. Об этом мы поговорим позже. Но знай, в чем-то ты все-таки прав - всегда необходимо стремиться к знаниям.

ВОЙЦЕК. Но ведь не только из книг можно получить эти знания, ведь сама жизнь дает нам понять многие вещи.

КАПИТАН. Зачем же наступать на грабли второй раз, зачем по-новому придумывать колесо, если его придумали до тебя? Сила книги в том, Войцек, что тебе не придется набивать себе шишки, тебе просто нужно прочесть знания прежних и сохранить их в себе.

ВОЙЦЕК. Я понял вас, господин Капитан.

КАПИТАН. Это хорошо. Ты нравишься мне, Войцек. Наверное, я подарю тебе книгу. Да, Войцек, я подарю тебе книгу. Ты знаешь кто такой Пиноккио?

ВОЙЦЕК. Нет.

КАПИТАН. Это деревянный человек, мальчик.

ВОЙЦЕК. Он жив?

КАПИТАН. Нет. Он умер много лет назад, и о нем написали книгу. Можешь ли ты подумать о том, что когда-нибудь о тебе напишут книгу?

ВОЙЦЕК. Никак нет, господин капитан.

КАПИТАН. А о мальчике написали, ты можешь себе это представить? О деревянном мальчике написали целую книгу.

ВОЙЦЕК. Но дерево не может говорить? Странно. Как же получилось так, что деревянный мальчик был живой?

КАПИТАН. Но ведь дерево живо, вот и мальчик, вырезанный из дерева, был живым. Это загадка, Войцек, я прекрасно знаю, что, наверное, не смогу разгадать ее. Это феноменально. Жизнь таит в себе очень много загадок. Ты уже закончил, Войцек?

ВОЙЦЕК. Простите, я отвлекся.

КАПИТАН. Это ничего. Я тоже пребывал в ступоре, когда первый раз услышал о Пиноккио. Но, к сожалению, я больше не могу найти никаких сведений о нем. Другие книги молчат.

ВОЙЦЕК. В детстве, моя мать рассказывала мне о хлебе, который имел форму головы и катался по миру. Он был очень умен и смог обмануть зайца, волка и медведя.

КАПИТАН. Обмануть животное не так тяжело, как тебе кажется, Войцек. Зверь не способен даже к простейшим математическим вычислениям. Сколько будет если двенадцать умножить на шесть?

ВОЙЦЕК. Десять на шесть – шестьдесят, потом шесть на два – двенадцать. Шестьдесят, крестик, двенадцать... Семьдесят два, господин капитан.

КАПИТАН. Вот видишь, Войцек, ты не зверь, ты не животное. Тебе приятно слышать, что ты не животное?

ВОЙЦЕК. Да, господин Капитан.

Капитан заходится в хохоте. Долго смеется.

КАПИТАН. Ты нравишься мне, Войцек. Ты закончил?

ВОЙЦЕК. Да, господин Капитан.

КАПИТАН. Теперь походи к своей возлюбленной, и пусть она причешет тебя для похорон. И не забудь ложку, Войцек. Не забудь ложку.

ВОЙЦЕК. Так точно, господин капитан.

Войцек собирается, придвигает стол к Капитану, забирает вещмешок, выходит.

КАПИТАН. Тебе приятно слышать, Войцек, что ты не животное?

Капитан долго смеется.

4. В доме Марии.

За окном слышен оркестр, мимо такта дурачок Карл бьет в «железяку». Мария у окна с ребенком, она поет укачивая его.

МАРИЯ.

"Солдаты, солдаты,
Красавцы, молодцы"... Ты со мной, мой сыночек. И что люди суют свой нос! Бедный ты мой, потаскушкин ты сын! Радость ты моя незаконная!..

«У красавицы девицы
Мужа нет, а сын рождается.
Что тут делать, как тут быть?
Надо жить и не тужить.
Эх, сыночек, мы в ответе,
Все равно одни на свете».

В дом входит Войцек.

МАРИЯ. Это ты, Франц?

ВОЙЦЕК. Да. У меня неотложное дело.

МАРИЯ. Присядь, ты весь запыхался.

ВОЙЦЕК. Очень мало времени. Капитан послал меня к тебе. Тебе нужно причесать меня, а еще успеть забежать в казарму за ложкой. Господин капитан будет очень зол, если я не возьму ее, он повторил мне это два раза.

МАРИЯ. Да присядь же, я причешу тебя, не беспокойся об этом. Сними свою походную сумку.

Мария укладывает ребенка в колыбель, тянется за вещмешком, но Войцек отстраняет ее.

ВОЙЦЕК. Я сам, Мария. Нужно быть очень аккуратным.

Войцек снимает вещмешок с плеча, аккуратно ставит на пол.

МАРИЯ. Что же такого хрупкого у тебя в этой сумке?

ВОЙЦЕК. Это не сумка, Мария, это вещмешок, ты абсолютно не разбираешься в военном деле.

МАРИЯ. Сядь же, давай я причешу тебя.

Войцек становится перед ней на колени.

ВОЙЦЕК. Только скорее Мария, мне еще нужно успеть...

МАРИЯ. Я слышала тебя, Франц. Глупый мой Войцек, ты везде успеешь, ведь ты самый лучший солдат.

Мария достает из кармана фартука расческу, причесывает Войцека.

МАРИЯ. Зачем так спешить, ты же слышишь, что оркестр только начал играть городской сбор, значит, все начнется примерно через час.

ВОЙЦЕК. Мария, я хотел бы...

МАРИЯ. Не вертись, погоди минуту.

ВОЙЦЕК. Я только хотел сказать тебе... предложить...

В окно заглядывает Тамбурмажор.

ТАМБУРМАЖОР. Доброго дня! Вы, наверное, слышали, что мы играем городской сбор, через час, все должны собраться на площади. Надеюсь, что увижу вас там.

МАРИЯ. Здравствуйте.

ВОЙЦЕК (*выглядывая из-за Марии*). Мы уже собираемся, уже совсем скоро будет там. Мы уже почти готовы, мне осталось только забежать за ложкой.

ТАМБУРМАЖОР. И ты здесь, Войцек. Ясно. Не опаздывайте.

Тамбурмажор исчезает из окна. Мария смотрит ему в след.

ВОЙЦЕК. Мария... Мария...

МАРИЯ. Я слушаю тебя! Ну, вот, говорила же, не вертись, опять весь растрепался.

Мария небрежно поправляет прическу Войцеку.

МАРИЯ. Все, готово, можешь бежать за своей ложкой.

ВОЙЦЕК. Мария... я только хотел сказать...

МАРИЯ. Ну, говори же скорее, ведь сам кричал, что у тебя мало времени.
ВОЙЦЕК. Мария... я бы хотел пригласить тебя на сегодняшние похороны.
Я тут подсобрал немного денег. И мне было бы очень приятно, если бы на
сегодняшние похороны мы пошли вместе.

МАРИЯ. Увидимся там. Беги за своей ложкой, Войцек.

ВОЙЦЕК. Я бы успел забежать за тобой.

МАРИЯ. Хватит бегать, Войцек. Хватит бегать. Ступай.

Войцек поднимается с колен, забирает вещмешок.

ВОЙЦЕК. Я успею, я обещаю тебе успеть.

Войцек выходит.

МАРИЯ. Ну что ты скажешь! Все куда-то бежит, бежит. А на дите и не
взглянул даже!.. Что притих, малыш? Испугался? Как темно-то сразу стало,
будто уж и глаза не видят...

В окно заглядывает дурачок Карл, стучит в «железяку».

КАРЛ. Ка-а-арл, Ка-а-арл зовет всех на похороны. Ка-а-арл, Ка-а-арл, Ка-
а-арл!..

Карл исчезает, звон «железяки» медленно стихает.

МАРИЯ. Ой, не могу, страшно здесь!..

5. Городская площадь.

На площади только пивная бочка, Судья и Доктор, оба в одежде.

СУДЬЯ. Безобразие.

ДОКТОР. Бездумность.

СУДЬЯ. Безалаберность.

Молчат.

СУДЬЯ. Хамство.

ДОКТОР. Наглость.

СУДЬЯ. Мордоплюйство.

Молчат.

СУДЬЯ. Скотство.

ДОКТОР. Дерзость.

СУДЬЯ. Дикарство.

Молчат.

СУДЬЯ. Ну, я не понимаю, я не понимаю, почему никого нет?

ДОКТОР. Как можно пропустить праздник, который для них же и устроили?

СУДЬЯ. Это саботаж!

ДОКТОР. Бойкот!

СУДЬЯ. Диверсия!

ДОКТОР. Вопиющая ситуация!

Молчат.

СУДЬЯ. Всем отрубить головы!

ДОКТОР. И повесить.

СУДЬЯ. Да, повесить, потом отрубить головы!

ДОКТОР. И свежевать.

Судья смотрит на Доктора.

ДОКТОР. Исключительно для науки, исключительно для науки!

Появляется Капитан, он так же в одежде.

КАПИТАН. Простите, господа, за опоздание. Новые сапоги... но где же все?

СУДЬЯ. Хамство!

ДОКТОР. Наглость!

СУДЬЯ. Мордоплюйство!

СУДЬЯ. Скотство!

ДОКТОР. Дерзость!

СУДЬЯ. Дикарство!

КАПИТАН. Да вы что??? Мы с этим разберемся, обязательно разберемся!

Неожиданно со всех сторон, с криком «Сюрприз», появляются горожане во главе с Тамбурмажором.

СУДЬЯ. Ой, какая нелепая приятность!

ТАМБУРМАЖОР. Мы хотели развеселить вас в праздник, господин судья, дожидались только Капитана.

ДОКТОР. Прелестно! Удивительно! Восхитительно! У меня, даже, участился пульс.

КАПИТАН. Хорошо, что мои штаны остались целы! Браво!

СУДЬЯ. Давайте начинать!

Оркестр играет траурную мелодию, горожане под веселые возгласы и смех выкатывают гроб. Судья, вскакивает на него.

СУДЬЯ. Всем пришедшим пива!

Горожане бросаются к бочке, черпают ложками пиво.

СУДЬЯ. Ну, вот и веселье! Посмотрите на них, господа!

ДОКТОР. Обожаю это зрелище!

СУДЬЯ. Как в старые добрые времена!

Капитан и Доктор заскакивают на гроб, достают из-за пазухи хлеб, ломают его и бросают горожанам. Толпа бросается то к хлебу, то к пиву. Судья, Доктор, и Капитан смеются.

КАПИТАН. Да, давненько у нас не было таких похорон.

ТАМБУРМАЖОР. Специально по такому случаю оркестр разучил несколько новых мелодий.

СУДЬЯ. Это прекрасно. Закурим, господа?

Судья, Доктор и Капитан присаживаются на гроб, как на лавочку, закуривают. Тамбурмажор стоит рядом. Доктор закуривает, закашливается.

ДОКТОР. Всегда говорил, что курение отравляет организм.

СУДЬЯ. Зато, как приятно иногда, посидеть вот так и выкурить пару сигарет.

КАПИТАН (*Тамбурмажору*). Это ты ловко придумал, братец, разыграть нас. Сам ли, или подсказал кто?

ТАМБУРМАЖОР. Сам, господин Капитан.

КАПИТАН. Молодец. Прикажу пошить тебе новый мундир!

ТАМБУРМАЖОР. Премного благодарен, господин Капитан.

СУДЬЯ. Господин Капитан. Вы, кажется, обещали прийти сегодня нагим.

ДОКТОР. Да-да, я помню этот разговор.

КАПИТАН. Вы, господин Судья, собирались сделать тоже самое.

СУДЬЯ. Мне не захотелось смущать вас.

КАПИТАН. Я благодарен вам.

ДОКТОР. И все же, господин капитан, почему вы пришли в costume?

КАПИТАН. Я подумал, что быть в одном и том же costume, то есть без costume, вместе с господином судьей будет слишком неуважительно. Блистать должен кто-то один, и это должен делать господин Судья.

СУДЬЯ. Вы очень великодушны. Но за слова, все же, нужно отвечать.

ДОКТОР. Да-да, да-да.

КАПИТАН. Ну, хватит им уже напиваться. Пора устроить танцы. (*Горожанам*) Эй, свора, вы там все выпьете в пять секунд, а кто же будет танцевать?

Тамбурмажор подает знак оркестру, музыка сменяется. Горожане танцуют. Мария стоит в стороне. Из толпы появляется Войцек, он подхватывает Марию, танцуют.

ВОЙЦЕК. Прости, Мария, я опоздал. Я бежал к тебе со всех ног, но увидел только твою ускользящую тень в переулке.

МАРИЯ. Почему же не догнал ее?

ВОЙЦЕК. Как же можно догнать тень?

МАРИЯ. Тогда тебе и меня не догнать.

ВОЙЦЕК. Я уже держу тебя в объятиях.

МАРИЯ. Держи крепче, не то растворюсь, как тень.

ВОЙЦЕК. Нет, я крепко держу тебя.

МАРИЯ. Уверен?

ВОЙЦЕК. Да.

Неожиданно Мария выскальзывает из объятий Войцека, подхватывает Тамбурмажора, и они кружатся в танце.

МАРИЯ. Доброго вечера.

ТАМБУРМАЖОР. Неожиданное соседство.

МАРИЯ. Я бегу от своего ухажера.

ТАМБУРМАЖОР. И далеко ли бежите?

МАРИЯ. За своей тенью.

ТАМБУРМАЖОР. Однажды я поймал свою тень.

МАРИЯ. И держали ее так же крепко, как и меня?

ТАМБУРМАЖОР. Еще крепче.

МАРИЯ. Боюсь, не треснут ли у меня кости.

ТАМБУРМАЖОР. Я могу быть и нежным, и даже благодарным.

В танце Тамбурмажор достает из кармана серьги и протягивает их Марии. Мария забирает серьги. Все это время, Войцек пытается попасть в ритм музыки, чтобы в танце перехватить Марию из объятий Тамбурмажора, наконец, ему это удается.

ВОЙЦЕК. От меня не убежишь.

МАРИЯ. Почему же? Я только что сделала это.

ВОЙЦЕК. Больше не получится. Теперь я буду держать тебя крепко.

МАРИЯ. Мне надоело танцевать.

ВОЙЦЕК. Потанцуй со мной еще немного.

МАРИЯ. Мне надоело. Я хочу пить.

ВОЙЦЕК. Пойдем, я напою тебя из своей ложки, она намного больше твоей.

Войцек тянет за руку Марию. Тамбурмажор провожает ее взглядом.

КАПИТАН (Тамбурмажору). Черные косы короной, ни дать ни взять – королева!

ТАМБУРМАЖОР. А глаза, как будто в колодец глядишь, или в печную трубу. Смачная бабенка!

Войцек и Мария в стороне.

ВОЙЦЕК. Ты видела, какое зарево было вчера над городом? Мне почему-то было так страшно, Мария.

МАРИЯ. Вечно тебе что-то чудится. Ты скоро спишишь от этих мыслей.

ВОЙЦЕК. Нет, Мария. Что только с нами со всеми будет?

МАРИЯ. А будет праздник, Войцек. Почему ты не хочешь забыть обо всем и просто веселиться?

ВОЙЦЕК. Нужно держать голову свою в разуме, дабы всегда быть готовым к испытаниям. Так говорит господин Капитан.

МАРИЯ. Но сегодня они говорят, что нужно пить и веселиться.

ВОЙЦЕК. Никогда нельзя забывать о службе своей.

МАРИЯ. Какой ты скучный, Войцек. Ну же, веселись.

Мария подхватывает Войцек, они какое-то время танцуют.

СУДЬЯ. Пора заканчивать этот балаган. Сколько городская казна потратила на эти похороны?

КАПИТАН. Как всегда – ничего!

СУДЬЯ. Это моя любимая шутка.

Смеются.

Войцек и Мария в стороне.

ВОЙЦЕК. Мария, а какие тебе снятся сны?

МАРИЯ. Разные.

ВОЙЦЕК. А мне постоянно снится, что Господь гасит солнце, и наступает крошечная темнота. Навсегда, Мария. Навсегда.

МАРИЯ. И что ты делаешь в этой темноте?

ВОЙЦЕК. Я ищу тебя, но никак не могу найти. Я постоянно обо что-то бьюсь, счесываю себе руки о стены домов, нахожу твою дверь, Мария, но она закрыта.

МАРИЯ. Значит, я пошла к портнихе напротив.

ВОЙЦЕК. Нет. Ты в доме, я слышу твое дыхание. И знаешь, мне кажется... мне кажется, что в доме еще кто-то есть.

МАРИЯ. Значит, портниха пришла ко мне.

ВОЙЦЕК. Нет, я слышу мужское дыхание.

МАРИЯ. Значит, это муж портнихи принес мне новое платье.

ВОЙЦЕК. Нет, это не может быть он. Он сейчас очень болен и не встает с постели.

МАРИЯ. Значит это господин Доктор шел к мужу портнихи, но в темноте ошибся дверью. Или это Тамбурмажор шел оповестить всех о городском сборе...

ВОЙЦЕК. Зачем же тыпустила его, Мария?

МАРИЯ. Я думала, что это ты пришел ко мне.

ВОЙЦЕК. Почему же ты заперла дверь?

МАРИЯ. Мне не нравится этот разговор, Войцек.

ВОЙЦЕК. Мне тоже не нравится этот разговор.

МАРИЯ. Пойдем веселиться.

ВОЙЦЕК. Нет, Мария, ответь мне, почему ты заперлась с Тамбурмажором?

МАРИЯ. Войцек, это всего лишь твой сон, откуда я могу знать, что происходит в твоём сне? В моих снах все танцуют.

Мария подхватывает Тамбурмажора, и они, в танце, подключаются к танцующим горожанам. Войцек обхватывает голову руками.

ВОЙЦЕК. Это неправда, неправда, Мария, это все неправда.

Мария и Тамбурмажор танцуют.

ТАМБУРМАЖОР. Я снова поймал тень?

МАРИЯ. Нет, на этот раз вы поймали живого человека. Поэтому держите не так крепко.

ТАМБУРМАЖОР. Упустить живого человека намного обиднее, чем упустить тень.

МАРИЯ. И часто вас обижали?

ТАМБУРМАЖОР. До сегодняшнего дня ни разу! Надеюсь, что и сегодня этого не случится.

МАРИЯ. Вы очень самоуверенный человек.

ТАМБУРМАЖОР. Вы даже не представляете насколько!

Тамбурмажор закручивает Марию в танце, и они растворяются в толпе горожан.

ВОЙЦЕК. Это неправда, Мария!.. Мария, где ты? Ты слышишь меня? Это все неправда!

Войцек мечется среди танцующих горожан, ищет Марию.

Где ты, Мария? Ты слышишь, это все неправда. Если ты есть в моем сне, значит, ты специально пришла в него, значит, ты должна сказать мне, почему вы заперлись с этим Тамбурмажором, Мария! Где ты, ты слышишь меня? Где ты? Мария, Мария, Мария!

Войцек расталкивает горожан, мечется по площади, подбегает к гробу. Судья, Доктор и Капитан расступаются перед Войцеком. Крича, он раскручивает гроб, гроб переворачивается, крышка падает. Все замирают. Войцек в испуге падает на землю. Оркестр замолкает.

КАРЛ. Лаку-у-на, Ка-а-рл видит пустоту!

СУДЬЯ. Пусто?

КАПИТАН. А где покойница?

ДОКТОР. Вилда, ее звали Вилда.

СУДЬЯ. Мне нет дела до ее имени, меня интересует совсем другое. Кого, собственно, мы провожаем сегодня?

КАПИТАН. Кого хороним?

СУДЬЯ. Да, именно, кого мы хороним, черт подери?

ДОКТОР. Какой конфуз.

СУДЬЯ. Конфуз? Вы называете это конфузом? Да это же полный бардак! Где труп я вас спрашиваю?

Горожане пялятся, Капитан поднимает Войцека за грудки, трясет его.

КАПИТАН. Войцек, где труп?

ВОЙЦЕК. Это все неправда, Мария.

КАПИТАН. Что с тобой, Войцек? Ты пьян? Ты же набрался, как свинья! Войцек, ты знаешь где покойница?

ВОЙЦЕК. Они заперлись, они заперлись с моей Марией у нее дома. Вокруг темно, очень темно, Господь погасил солнце.

КАПИТАН. Что ты несешь, Войцек?

ДОКТОР. Оставьте его, неужели вы не видите, что он в стельку пьян.

СУДЬЯ. Сорвать такие похороны... Оркестр, играйте расход! Все по домам, и свечей не зажигать. (*Капитану*) А вы, чтобы завтра же разобрались во всем!

Судья уходит.

КАПИТАН. Все, похороны окончены, все расходятся по своим домам и сидят там до завтрашнего утра, и если я хоть кого-то встречу на улице этой ночью... самолично заколочу в этот гроб, и отправлю по озеру за туманную границу!.. Ясно?!

Капитан разгоняет горожан, на площади остаются только Войцек, Доктор и дурачок Карл.

ДОКТОР. Войцек, чтобы завтра же утром ты был у меня! Я хочу проверить твое состояние... Если такое количество гороха смешать с таким количеством алкоголя... главное, не дыши на огонь, Войцек...

Доктор уходит. Карл ставит рядом с Войцеком вещмешок.

КАРЛ. Се-е-рая вода, осты-ылая вода. Окуну голову, Войцек, свою голову...

Продолжая кричать эту фразу и бить в "железяку" дурачок Карл уходит. Войцек встает, надевает вещмешок и медленно идет по улице, обессилено стуча в закрытые окна. "Мария" почти беззвучно произносит он, "Мария, я слышу его дыхание"...

6. Берег.

Войцек подходит к берегу, у самой кромки воды он становится на колени, долго умывается.

ВОЙЦЕК (*медленно*). Прав был Карл... вода действительно серая...

Войцек снимает вещмешок, достает банку.

Посмотри, Андрес, серая вода. Ты когда-нибудь видел серую воду? И я нет. Жаль я не могу умыть тебя ей, Андрес. Она очень холодная, она очень освежает ум, Андрес. Ты же знаешь, что свежесть нашего ума - есть здравость наших поступков. Мне нужно поступать правильно, Андрес, иначе я буду смотреть на тебя из такой же банки. Давай я, все же, немного охлажу тебя, Андрес?

Войцек ладонью черпает воду и поливает банку. В какой-то момент он останавливается и оглядывается. Позади него сидит женская фигура.

Мария, Мария?.. Нет, у нее не такие длинные волосы... Кто ты?.. Кто ты?

Войцек на коленях подползает к фигуре.

Вилда?..

ВИЛДА. Здравствуй, Войцек. Это Андрес у тебя в руках? Дай мне его.

ВОЙЦЕК. Будь осторожна с ним...

ВИЛДА. Буду, Войцек, не беспокойся.

Войцек передает банку Вилде, она прижимает ее к груди. Молчание.

ВОЙЦЕК. Но ведь Мориц, он... он умертвил...

ВИЛДА. Он задушил меня, Войцек.

ВОЙЦЕК. Ты так спокойна, Вилда... но если он... задушил тебя, как же ты оказалась здесь?

ВИЛДА. Серая вода, Войцек, это все серая вода.

ВОЙЦЕК. Но это только Луна делает ее серой.

ВИЛДА. Луна делает воду серебряной.

ВОЙЦЕК. А что делает ее серой, Вилда?

ВИЛДА. Серой ее делает холод и ветер. Ты чувствуешь ветер, Войцек.

ВОЙЦЕК. Нет.

ВИЛДА. Странно, сегодня очень ветрено. А я люблю, когда волосы мои развывает ветер. Оттого я здесь, Войцек.

ВОЙЦЕК. Может быть я тоже мертв?

ВИЛДА. Нет, Войцек, ты живее многих... Что ты знаешь о смерти, что знаешь о жизни, а о убийстве? Что ты можешь знать, если ты не знаешь, что такое серая вода.

ВОЙЦЕК. Сегодня мне казалось, что я хочу убить человека.

ВИЛДА. Почему не убил?

ВОЙЦЕК. Я потерял... потерял ее тень.

ВИЛДА. Ты слышишь, Андрес, он потерял ее тень... Какой ты добрый, Войцек... Ты не сможешь убить, ты никогда не сможешь убить, Войцек, в тебе нет столько счастья.

ВОЙЦЕК. Счастья?

ВИЛДА. Да. Сознательно убить может только очень счастливый человек. Несчастные замыкаются в себе, они даже ходят, опустив глаза. И лишь счастливый открыт для любых поступков, для жизни и смерти, для убийства, или рождения. Он открыт, понимаешь?

ВОЙЦЕК. Нет.

ВИЛДА. И это хорошо. Пусть это останется со мной.

Молчание.

ВОЙЦЕК. Значит, твой Мориц был счастлив?

ВИЛДА. Мориц? Конечно. Он был очень счастлив, он очень любил меня. Посмотри, какой подарок он оставил мне на прощание, это коралловое ожерелье.

Вилда поднимает подбородок, убирает волосы с шеи, на шее видны следы удушения.

Прощальный подарок должен быть красивым. Кому-то коралловое ожерелье, кому-то разорванная нить красного жемчуга. Мориц был очень заботлив.

ВОЙЦЕК. Я никогда не дарил Марии подарков.

ВИЛДА. Андрес тоже ничего не дарил мне.

ВОЙЦЕК. Андрес?

ВИЛДА. Да. Мы с Андресом были друг друга. А Мориц... Мориц был просто счастлив.

ВОЙЦЕК. Вы с Андресом были... за это Мориц и задушил тебя?

ВИЛДА. Да.

ВОЙЦЕК. Но почему все говорят, что Мориц задушил тебя, чтобы ты не участвовала в эксперименте господина Доктора?

ВИЛДА. Если говорят – значит, это правда.

Молчание.

ВИЛДА. Тебе пора, Войцек. Пойди, умойся, и ступай домой.

ВОЙЦЕК. Я заберу Андреса.

ВИЛДА. Ты разве не оставишь его мне?

ВОЙЦЕК. Я не могу. Я обещал ему, что теперь мы всегда будем вместе.

ВИЛДА. Всегда? Это смешно, Войцек... какой же ты добрый. Ты хороший друг, Войцек. Ступай.

ВОЙЦЕК. А Андрес?

ВИЛДА. Ступай.

Войцек медленно идет к воде, умывается. Повернувшись, он видит стоящую на траве банку.

7. У Доктора.

Доктор осматривает Войцека. Рассматривает его язык, белки глаз, заглядывает в уши, щупает пульс, каждый раз делая какие-то пометки в свой журнал.

ВОЙЦЕК. Скажите, господин Доктор, как вы считаете, кто больше расположен для убийства, счастливый или несчастный?

ДОКТОР. Я рад, Войцек, что ты интересуешься наукой, медициной, я очень рад. И ты знаешь, я даже хотел провести некоторые исследования в этой области, но, к сожалению, эксперимент оказался слишком коротким.

ВОЙЦЕК. Но вы успели получить какие-то результаты?

ДОКТОР. Да, я практически на 100 процентов уверен, что убийству больше подвержены несчастные люди.

ВОЙЦЕК. А мне кажется, что счастливые. Только вы не сердитесь.

ДОКТОР. Я не сержусь, Войцек. Я больше расстроен твоим вчерашним состоянием.

ВОЙЦЕК. Тут вы конечно вправе сердиться на меня...

ДОКТОР. Нет, Войцек, и тут я не сержусь: сердиться вредно и для здоровья и для науки. Я спокоен, совершенно спокоен; пульс у меня шестьдесят, как обычно, и я говорю с тобой вполне хладнокровно! Избави бог! Кто же станет волноваться из-за человека? Из-за человека!.. Но так напиваться!

ВОЙЦЕК. Простите, господин Доктор.

ДОКТОР. Простите? Простите? Может быть, ты вчера еще и хлеб ел?

ВОЙЦЕК. Никак несмел, господин Доктор!

ДОКТОР. Смотри мне, у меня в руках твое письменное согласие, наш договор!.. Каждый божий день получаешь от меня три гроша и харч! Я произведу полнейший переворот в науке, все полетит вверх тормашками, главное не смей мне помешать...

ВОЙЦЕК. И думать не могу об этом, господин Доктор.

ДОКТОР. Мочевины ноль целых десять сотых, солянокислый аммоний, гипероксид... Так, Войцек, подойди сюда.

Доктор зажигает свечу. Войцек подходит.

Дуй на свечу.

Доктор быстро отходит в сторону. Войцек дует - свеча гаснет.

Я спокоен, совершенно спокоен; пульс у меня шестьдесят, как обычно... Дуй, только не так сильно, медленной струйкой.

Доктор снова зажигает свечу и отходит в сторону. Войцек дует, медленно, плавно, но ничего не происходит. Войцек дует сильнее - свеча гаснет.

Так... я не понимаю, примерно с сегодняшнего дня, должен появляться легкий эффект дракона... не понимаю... Я спокоен, пульс у меня шестьдесят, избави бог! Кто же станет волноваться из-за человека?.. Ты ел свой горох сегодня, Войцек?

ВОЙЦЕК. Нет, как только вы осмотрите меня, я сразу же приступлю к поеданию гороха, господин Доктор.

ДОКТОР. Как смел ты явиться ко мне на обследование, не приняв утреннюю дозу гороха?.. Ты провалил мне эксперимент!

Доктор бьет Войцека журналом по лицу.

ВОЙЦЕК. Простите, господин Доктор.

ДОКТОР. Простите?

Доктор бьет Войцека журналом по лицу.

Простите?

Доктор бьет Войцека журналом по лицу.

Простите? И это все что ты можешь мне сказать? Ты срываешь мне эксперимент!

Доктор бьет и бьет Войцека журналом по лицу.

ВОЙЦЕК. Я все исправлю...

ДОКТОР. Именно, ты все мне исправишь, все! С сегодняшнего дня ты не получишь от меня ни гроша. Скотина!.. Так, погоди у меня.

Доктор достает огромную миску гороха. Ставит перед Войцеком.

ДОКТОР. Ешь, и пока ты не опустошишь эту миску, ты не выйдешь из-за стола.

Войцек начинает есть, сначала быстро, потом все медленнее, через какое-то время становится понятно, что есть он больше не может. За окном слышно, как во дворе репетирует оркестр, и бодрый голос Тамбурмажора командует: "Держать строй, не сбиваться с ритма", "Веселее, веселее, как на похоронах" и т.д.

ВОЙЦЕК. Я спокоен, пульс у меня шестьдесят, и я буду счастлив. Кто же станет волноваться из-за человека. Я буду счастлив.

Войцек начинает с жадностью есть горох. Он улыбается и ест. Звук оркестра накрывает город.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

8. Берег.

В лучах лунного света сидит Вилда.

ВИЛДА. Значит, Войцек не отпускает тебя, Андрес... Ты был хорошим другом. Я всегда знала это. Поэтому он и не отпускает тебя, Андрес... Но мы скоро встретимся. Я уверена, мы скоро встретимся, чувствую это. Войцек не станет держать тебя долго, он никого не держит долго, хоть и руки его сильны. У него слабое сердце, оно не может биться за свою любовь, за свою дружбу, за себя...

На берегу появляются Мария и Тамбурмажор, они толи продолжают танцевать, толи он несет ее на руках, толи она его. Они останавливаются, Тамбурмажор тянется к Марии, чтобы поцеловать ее, но Мария замечает фигуру Вилды, практически неразличимую в темноте.

МАРИЯ. Пстой, там кто-то сидит...

ТАМБУРМАЖОР. Где?

МАРИЯ. Там, в темноте, проведи глазами от лунной дорожки дальше по берегу. Кажется там какая-то фигура.

ТАМБУРМАЖОР. Кто здесь, назови себя...

Вилда молчит.

Не бойся, Мария, видишь, это только холмик на берегу, тут никого нет.

Вилда встает.

МАРИЯ. Смотри...

ТАМБУРМАЖОР. Кто ты, черт возьми?!

Тамбурмажор резким шагом направляется к Вилде, подойдя ближе и узнав ее, он пятится, падает, и с криком "этого не может быть" убегает. Мария стоит в оцепенении.

ВИЛДА. Останься, Мария.

Мария замирает. Вилда медленно подходит к ней. Обходит ее по кругу, рассматривая ее.

ВИЛДА. Как блестят твои глаза, Мария. Такое ощущение, что они покрыты зеленым жиром. У тебя ведь зеленые глаза?.. Вижу, что зеленые. Ты сильная, у сильных людей зеленые глаза. Сильный человек делает то, что он хочет, так Мария?

МАРИЯ. Мне не известно это.

ВИЛДА. Значит запомни это. Но не пользуйся, ты еще не все знаешь до конца.

МАРИЯ. И что же...

ВИЛДА. Что в конце? Человек с зелеными глазами делает все что захочет пока не полюбит кого-нибудь. Тогда он делает все для любимого.

МАРИЯ. Но я никого не люблю.

ВИЛДА. Никого не любить, в первую очередь означает не любить себя.

МАРИЯ. Может быть, я не люблю и себя...

ВИЛДА. Интересно, как долго ты сможешь себя обманывать?

МАРИЯ. Почему ты считаешь, что я обманываю себя?

ВИЛДА. А ты любишь свое дитя?

МАРИЯ. Это другое...

ВИЛДА. Нет, это одно и то же. Так значит любишь?

МАРИЯ. Да.

ВИЛДА. И дитя твое плоть от плоти твоей. Это ты, Мария. Но ты говоришь, что не любишь себя. Значит, и не любишь дитя свое? Ты любишь обманывать себя?

Пауза.

МАРИЯ. Я люблю сына...

ВИЛДА. А что еще ты любишь?

Пауза.

МАРИЯ. Я люблю сына.

ВИЛДА. И за что же ты любишь то что не любишь?

Пауза.

МАРИЯ. Я люблю сына.

ВИЛДА. А сын любит тебя?

Пауза.

ВИЛДА. Если ты ответишь да, тогда и ты любишь себя, ведь сын твой - это ты. Посмотри на луну. Две половины сходятся вместе, а потом расходятся так, что одна половина просыпается на западе, а вторая на востоке. Но ведь они сойдутся, Мария?

МАРИЯ. Всегда бывает так.

ВИЛДА. И всегда так будет. Ты целая, Мария. А ты знаешь, что делает Войцек целым?

МАРИЯ. Причем тут Войцек.

ВИЛДА. А ты не понимаешь?

МАРИЯ. Нет.

ВИЛДА. Его делает целым ты.

МАРИЯ. Целым его делает служба, вот пусть и женится на ней.

ВИЛДА. Служба, это то, что сближает ваши половинки. Чтобы с каждым разом все сильнее и сильнее сливались вы после разлуки, как две половинки луны сливаются друг с другом.

МАРИЯ. Речи твои мне не интересны, Вилда, ступай за туманную границу, сейчас там твое место.

ВИЛДА. Не торопи час. Как знать, быть может, ты окажешься там быстрее меня. Туман сам выбирает того кто сможет потрогать его. Я же лишь хочу, чтобы ты услышала меня.

МАРИЯ. Я слушаю, только слова твои падают у моих ног.

ВИЛДА. Так подними их, глупая.

МАРИЯ. Зачем мне поднимать то, что мне не принадлежит.

ВИЛДА. Все что я говорю, касается лишь тебя. И выбор остается только за тобой. Вы с Войцеком одно целое, и игры твои не дадут тебе счастья. Ты хочешь сесть на два стула разом, но второго стула нет.

МАРИЯ. Второй стул обит совсем другой тканью. Она выглядит намного ярче, и богаче.

ВИЛДА. Войцек обязательно подарит тебе нитку красного жемчуга. Такой подарок устроит тебя?

Мария смеется.

МАРИЯ. Нитку жемчуга? Откуда у него такие деньги? Даже если он продаст все свои вещи, у него не хватит денег даже на стеклянные бусы.

ВИЛДА. Он очень любит тебя, поэтому сделает все, чтобы подарить тебе самый дорогой подарок. Вот увидишь, нитка красного жемчуга скоро будет лежать в твоих руках, а в ответ ты подаришь ему стеклянные бусы. Это будет ваше венчание.

МАРИЯ. Не смей меня, Вилда. И вообще, кто сказал тебе, что я собираюсь замуж за Войцека?

ВИЛДА. Глаза твои, руки твои, дела твои.

МАРИЯ. Отпусти меня, Вилда, я не девочка, чтобы выслушивать все это. Мне выбирать. Мне выбирать, слышишь, выбирать мне!

Пауза.

ВИЛДА. Сильная. Жир блестит в твоих глазах. Иди, и выбирай.

МАРИЯ. От нашего разговора несет тухлятиной. Прощай.

Мария разворачивается, делает несколько шагов, но останавливается.

ВИЛДА. Не открывай рта, и запах тухлятины пропадет. Просто иди, и выбирай. Теперь ты стоишь у самой туманной границы.

Мария поворачивается, на глазах ее видны слезы.

МАРИЯ. А что там, за туманом?

ВИЛДА. Жир растаял. Это хорошо, Мария. Мне очень радостно, что жир в твоих глазах может растаять. Иди.

МАРИЯ. Ты не ответила, ты же знаешь ответ!

ВИЛДА. Ты скоро сама все узнаешь.

МАРИЯ. А, пропади все пропадом. Один черт!

Мария резко разворачивается, делает несколько шагов.

ВИЛДА. Поймай! Вот тебе мой прощальный подарок. Бери, не думай, от подарков не отказываются.

МАРИЯ. Что это?

ВИЛДА. Разверни, и сама узнаешь.

Мария берет из рук Вилды сверток, разворачивает его, в свертке оказывается черное платье. Мария ухмыляется, уходит. Вилда долго смотрит ей в след.

9. В доме Марии.

Темнота. Скрипит дверь.

ВОЙЦЕК. Мария... Мария, это я Франц... Ты спишь, Мария?..

Слышно, как Войцек делает несколько шагов, на что-то натывается, звенит посуда, через секунду слышен детский плач.

Не плачь, дитя. Сейчас я зажгу лампу, и ты увидишь, что не из-за чего плакать, это я и дядя Андрес пришли к тебе в гости. Погоди минутку.

Слышно, как Войцек что-то ищет в доме, через какое-то время он зажигает лампу.

Ну, вот. Теперь нам видно все. Привет, малыш. Я разбудил тебя? Ну, ничего, сейчас я тебя покачаю, и ты уснешь. А хочешь, Андрес полежит рядом с тобой? Дядя Андрес не обидит тебя, он очень добрый, вот, посмотри ему в глаза.

Войцек достает банку из вещмешка, кладет ее в колыбель, садится рядом, качает колыбель.

Тише, тише, малыш. Сейчас ты уснешь.
За окном затих городок,
И затихла музыка дня.
Ничего не бойся, сынок,
Ночь сама боится огня.
Нам с тобой улыбнулась луна,
Кружит звездочек хоровод.
Это добрая фея сна
За собою тебя зовет.
Спи, малыш, закрывай глаза.
Ждет тебя необычный путь.
Ждут загадки и чудеса,
А для этого надо уснуть.

Ребенок засыпает. Войцек бродит по дому.

Уснул, а я пока посижу здесь, и тихонько подожду... Мария... Мария... земля горяча, как пекло, а у меня душа леденеет... готов поклясться, что в аду холодно. Узнать бы который час...

Войцек подходит к окну.

Еще даже не светает, где можно быть в это время. Опять скажет, что была у портнихи, и сидела с ее больным мужем, пока та решила отдохнуть хоть пару часов... Невыносимо... Андрес, ты слышишь, это невыносимо. Я человек маленький, у меня никого нет на свете. За что же так, Андрес?

Войцек подходит к колыбели, достает банку, садится.

Я хочу спросить тебя, Андрес, тебе когда-нибудь казалось, что ты не можешь, нет, даже не хочешь ничего чувствовать, не хочешь ни о чем переживать. Ты становишься остывшим ко всему... Нет, это не равнодушие... это... это... не знаю... не хочу в это верить...

Пауза.

Я пришел извиниться. Значит я не остывший? Значит во мне еще что-то движется, в этой пустоте. Андрес, я пустой, но ведь я и целый. И это "что-то" движется во мне, движется и не может вырваться. Но я так хочу поделиться этим. Отчего это, Андрес? Отчего я не могу отдать то, что есть во мне, поделиться. Можно сказать: я люблю тебя. Но это слова, они растворяются. Вот так: я люблю тебя... и все... и все... я люблю тебя, Мария... слышишь, их нет... они не звенят в тишине... я люблю тебя, Мария! Я люблю тебя, Мария! Я люблю тебя, Мария!..

Ребенок начинает плакать.

Звенит!.. Звенит... нет, это дитя проснулось в своей колыбели... тише, тише, маленький... Андрес, ты слышишь, как плачет ребенок? Он звенит, звенит, как земля... что же получается, только младенец может плакать так, что слова его не растворяются в тишине?.. Нет, Андрес, все растворяется, даже плачь младенца.

Войцек качает колыбель, но ребенок не успокаивается.

Спи, малютка, засыпай... Андрес, а ты помнишь себя в младенчестве, тебя оставляли ночью, вот так, одного?.. Хорошо, что мы не помним этого... наверное, это очень страшно. Ты открываешь глаза, и видишь только темноту. Ты зовешь хоть кого-то, кто бы мог успокоить тебя. Зовешь до боли в горле, страх застывает в нем вязкой слюной, ты кашляешь, но все же, пытаешься через кашель звать. Покрываешься красными пятнами раздражения, но не видишь этого. И хорошо, что ночь скрывает это, ведь ты бы испугался еще больше. И только от бессилия, от изнеможения, ты засыпаешь. Тебя снова проглатывает ночь. Это страшно, Андрес. Это страшно. Давай отнесем его к матери. Дети всегда чувствуют прикосновение материнских губ. Идем, Андрес, этой ночью должен быть хоть кто-то спокойным.

Войцек убирает банку в вещмешок, бережно берет ребенка на руки, пеленает его в свой мундир, выходит, не закрыв за собою дверь. В дверях появляется Дурачок Карл.

КАРЛ. У этого - золотая корона, он король... Завтра привезу королеве ее дитя... Кровавая колбаса говорит ливерной: иди ко мне...

Через мгновение ветер захлопывает дверь - лампа гаснет.

10. Городская площадь.

Ночь. Появляются Доктор и Капитан.

КАПИТАН. На вашем месте я бы его просто избил. Измолотил как скотину, изуродовал. Он нарушил условия договора, а ведь сколько бюджетных средств потрачено на этот эксперимент. Кстати, сколько?

Доктор показывает Капитану карманные часы.

ДОКТОР. И еще горох, 50 килограмм гороха.

КАПИТАН. Часы очень даже! Но 50 килограмм гороха?

ДОКТОР. Себе.

КАПИТАН. Ах, ну так бы сразу и говорили! Хотя я горох не очень, у меня от него метеоризм.

ДОКТОР. Это было бы излечимо, если бы этот Войцек не сорвал мне эксперимент.

КАПИТАН. Немыслимо! Немыслимо! Это не поведение, а какой-то бардак. В нашем городе никогда такого не было.

ДОКТОР. Как это не было? Буквально пару дней назад мне сорвали еще один эксперимент, вы забыли, господин Капитан?

КАПИТАН. Да, простите, я совсем позабыл об этом. Это дело той задушенной... чьей-то жены... Что-то в нашем городе совсем нет дисциплины, я начинаю скучать по старым временам. Пора, пора, мой дорогой, принимать меры.

ДОКТОР. Какие же меры вы хотите предпринять?

КАПИТАН. Войцека нужно выпороть!

ДОКТОР. Слишком просто.

КАПИТАН. Значит, выпороть и...

ДОКТОР. И...

КАПИТАН. Что вы икаете? Лезете тут со своими дурацкими вопросами.

ДОКТОР. А почему вы на меня кричите?

КАПИТАН. Потому что вы лезете и перебиваете. Постоянно. Вы даже не дали мне как следует обдумать то, о чем вы спросили... О чем вы спросили?

Видите, я уже позабыл. Потому что вопросы ваши - туфта!

ДОКТОР. Туфта? Да я у вас вообще больше ничего спрашивать не хочу!

КАПИТАН. И правильно делаете, иначе схлопотали бы.

ДОКТОР. Это что еще за...

КАПИТАН. А будете возникать...

*Доктор плюет Капитану в лицо, но сразу пугается своего поступка.
Пауза.*

ДОКТОР. А вы думали, что я не смогу ответить?

КАПИТАН. Это... это... как-то не по-мужски, что ли...

ДОКТОР. Вы обескуражены?

КАПИТАН. Вы знаете... не нахожу слов...

ДОКТОР. Я тоже в какой-то растерянности... все так спонтанно вышло...

КАПИТАН. Молниеносно...

ДОКТОР. В мгновение ока.

КАПИТАН. Да, моменталом, просто!

ДОКТОР. В одночасье!..

Пауза. Капитан смотрит на Доктора. Доктор делает вид, что поправляет костюм.

ДОКТОР. Думаю, нам стоит забыть этот наималейший инцидент.

КАПИТАН. Да как же это забыть?

ДОКТОР. Да как же это забыть? Очень просто, господин Капитан. Вы слышали о мышечной памяти добра?

КАПИТАН. О чем?

ДОКТОР. О мышечной памяти добра! Я открыл этот термин около года назад. Помните, в прошлом году мы судили какого-то человека за... уже не помню за что, но это не главное. Главное, что в тот момент, когда палач должен был отрубить ему голову, палач поправил ему прическу и вытер со лба пот. Ну, а потом уже отрубил ему голову. Вот это и называется мышечная память добра.

КАПИТАН. Да это ахинея какая-то. Вы мне в лицо плюнули, а я вам за это должен прическу поправить, так что ли получается?

ДОКТОР. Да... то есть, почти. Мне кажется, в жизни ко всему нужно относиться с легкостью, необходимо научиться воспринимать все с улыбкой, вот тогда...

Капитан дает Доктору пощечину. Пауза.

КАПИТАН. Ах, да!

Капитан поправляет Доктору прическу.

КАПИТАН. Вы знаете, а ведь действительно полегчало.

ДОКТОР. Только... только вы все проделали в обратном порядке.

КАПИТАН. Исправим.

Капитан поправляет Доктору прическу, потом бьет Доктора по лицу.

КАПИТАН. Так лучше?

ДОКТОР. Да это черт знает что!

КАПИТАН. Ну, вы же сами говорили, что ко всему нужно относиться легче, воспринимайте это с улыбкой. Ну, что же вы гримасничаете? Улыбайтесь.

Доктор пытается улыбаться.

ДОКТОР. Все же где-то я допустил ошибку...

КАПИТАН. Это ничего, вы еще проработаете свою теорию, и все получится.

ДОКТОР. Будем надеяться, что конфликт исчерпан.

КАПИТАН. А мне даже понравилось.

Капитан пытается поправить Доктору прическу, но тот резко отходит в сторону.

ДОКТОР. Прекратите, хватит уже экспериментов!

Появляется Войцек с младенцем. Увидев Капитана и Доктора, он пытается уйти в тень.

КАПИТАН. Подойди сюда, да-да, ты, со свертком.

ДОКТОР. Так это же наш Войцек.

КАПИТАН. Что несешь ты, подлец? Подойди ближе, не жмись к стене.

Войцек подходит.

КАПИТАН. Что в свертке?

ВОЙЦЕК. Пустяки, господин Капитан.

КАПИТАН. Пустяки не носят по ночам. Что в нем?

ВОЙЦЕК. Ребенок.

КАПИТАН. Что?

ВОЙЦЕК. Ребенок.

КАПИТАН. Ты украл его? Украл ребенка?

ВОЙЦЕК. Нет. Это сын Марии. Мне нужно отнести его к ней.

ДОКТОР. Но ведь ты идешь в обратную сторону. Дом Марии в другой стороне.

КАПИТАН. Ты обманываешь нас, Войцек.

ВОЙЦЕК. Нет, господин Капитан. И сметь не могу, господин Капитан.

ДОКТОР. Один раз ты уже провинился, откуда нам знать, что ты не сделал это и сейчас?

КАПИТАН. Дело пахнет жареным, вам не кажется, господин Доктор?

ДОКТОР. Да, что-то здесь не так.

КАПИТАН. Отвечай.

ВОЙЦЕК. Я пришел к Марии, но ее не было дома, а ребенок постоянно плакал, и я решил отнести ребенка к ней, ведь только чувствуя родные материнские руки, ребенок может успокоиться.

ДОКТОР. А что, если Войцек все же украл ребенка, господин Капитан?

КАПИТАН. Мотив?

ДОКТОР. Чтобы отомстить Марии за то, что она всю ночь танцует в Кабаке. Вот вам и мотив.

ВОЙЦЕК. Мария в кабаке?

КАПИТАН. Куда же ты нес ребенка, если даже не знаешь где Мария?

ВОЙЦЕК. Я хотел разыскать ее.

КАПИТАН. Сначала ты говорил, что несешь ребенка Марии, теперь говоришь, что хочешь разыскать ее. Ты сбиваешься, Войцек.

ДОКТОР. Я сразу почувствовал что-то неладное.

КАПИТАН. Встань на колени, а ребенка отдай мне.

ВОЙЦЕК. Никак не могу, господин Капитан.

КАПИТАН. Что? Ослушаться приказа?

ВОЙЦЕК. Простите, господин Капитан, но я никак не могу. Мне нужно разыскать Марию.

КАПИТАН. На колени, Войцек. Семьдесят пять плетей ты уже заработал.

ДОКТОР. И еще столько же за то, что сорвал мне эксперимент.

ВОЙЦЕК. С радостью приму наказание, но сейчас мне нужно бежать в кабачок и отдать дитя Марии.

КАПИТАН. На колени, Войцек, я приказываю!

Войцек медленно становится на колени, Доктор вырывает ребенка у него из рук. Войцек снимает вещмешок. Капитан достает кнут, несколько раз бьет Войцека. Войцек смиренно принимает удары.

ВОЙЦЕК. Я спокоен, пульс у меня шестьдесят, и я буду счастлив. Кто же станет волноваться из-за человека.

Неожиданно Войцек перехватывает кнут, дергает, Капитан падает. Войцек набрасывается на него. Какое-то время Войцек и Капитан борются, Доктор стоит в ошеломлении. Войцек несколько раз с силой бьет Капитана головой о брусчатку, Капитан теряет сознание. Войцек встает, надевает вещмешок, бережно берет ребенка из рук Доктора.

ВОЙЦЕК. Скорее всего, господин Доктор, я не смогу прийти на утреннее обследование. Уж вы извините.

Войцек уходит.

11. Кабачок.

Играет оркестр, народ гуляет, кто-то пьет, кто-то танцует. На лавке сидит Тамбурмажор, он неподвижен, и только одними губами, как рыба, жадно вдыхает воздух. К нему подходит Мария с большой пивной кружкой в руках. Тамбурмажор залпом выпивает бокал.

ТАМБУРМАЖОР. Еще.

МАРИЯ. Хватит тебе, уже третий залпом выпиваешь.

ТАМБУРМАЖОР. Еще, Мария, принеси мне еще, задыхаюсь!

МАРИЯ. Нет.

ТАМБУРМАЖОР. Ты видела ее? Говорила с ней?

МАРИЯ. С кем?

ТАМБУРМАЖОР. Это была Вилда, убиенная Вилда?

МАРИЯ. Ты пьян! Тебе нужно проспаться!

ТАМБУРМАЖОР. Нет, я видел ее лицо, как твое! Лицо мертвеца. Она буквально жгла меня своим взглядом.

МАРИЯ. Вилда мертва, глупец. Мориц задушил ее, как ребенок невольно душит котенка, пытаюсь покрепче обнять его, чтобы показать свою любовь.

ТАМБУРМАЖОР. Нет, Мария, это была Вилда.

МАРИЯ. Ты пьян. Прекрати говорить об этом, ты меня сметишь.

ТАМБУРМАЖОР. А где ее труп? Почему гроб оказался пустым, как мой барабан?

МАРИЯ. Может быть, доктор забрал его для опытов?

ТАМБУРМАЖОР. Вздор. Доктор сам боится мертвых, он может только мучить живых, но притронуться к трупу, нет, Мария, нет, у него не хватит смелости. Это была она, Вилда! Она пришла отомстить нам всем.

МАРИЯ. Но ведь я здесь, и абсолютно цела. Посмотри на меня!

ТАМБУРМАЖОР. Тогда кто же это был, Мария? Ты говорила с ней, кто это был, объясни мне.

МАРИЯ. Это была портниха, она искала меня, чтобы сообщить, что мое платье уже готово.

ТАМБУРМАЖОР. Зачем же ей искать тебя ночью, неужели нельзя подождать до утра?

МАРИЯ. Просто она знала, что эту ночь я хочу провести в новом платье.

Мария обнимает Тамбурмажора, гладит его по волосам.

Успокойся, ты же видишь что я в новом платье? Ты понимаешь для кого я его надела?.. Ну, не молчи, скажи, как оно тебе нравится? Моя портниха знает толк в платьях. Хочешь, я покружусь для тебя?

ТАМБУРМАЖОР. Капитан обещал пошить мне новый мундир. Обязательно закажу его у твоей портнихи. Наш полковой портной шьет черт знает что, а мне нужен парадный костюм. Эх, пройдемся же мы с тобой, Мария, по городской площади - все рты раззявят.

МАРИЯ. Моя портниха берет дорого.

ТАМБУРМАЖОР. Разве можно жалеть денег на хороший костюм? Отдам любые деньги!

МАРИЯ. Ты всегда такой щедрый, или только передо мной кичишься?

ТАМБУРМАЖОР. А ты можешь назвать меня скупердяем? Эй, нет, Мария, сегодня мы гуляем, как в последний раз, ради тебя я не пожалею и последней монеты! Эй, музыканты, что так тихо сегодня, ведь сегодня такая ночь, будто две половины луны играют сегодня свою черную свадьбу! Так давайте и мы отметим, а? Всем по кружке пива!

Толпа ликует. Тамбурмажор подхватывает Марию, они танцуют. В кабачок входит Войцек с младенцем, завернутым в мундир.

МАРИЯ. Шибче, шибче!

ВОЙЦЕК. Он! Она! Дьявол!

МАРИЯ. Шибче, шибче!

ВОЙЦЕК. Шибче?! Шибче! Вертитесь! Прижимайтесь! Почему Господь не погасит солнце, чтоб все живое сплелось в непотребстве - мужчины и женщины, люди и скоты?..

Войцек в бессилии опускается на скамью. Ставит рядом вещмешок.

Валяйте средь бела дня, валяйте у всех на глазах, как мошкара какая...

Войцек вскакивает.

Мария! Огнем горит! Огнем!.. Шибче! Шибче!.. Она теперь его, его, а раньше была моя!..

Мария замечает Войцека, останавливается.

МАРИЯ. Что ты здесь делаешь?

ВОЙЦЕК. Ищу тебя, Мария, бегу, бегу за твоей тенью, но не могу поймать ее.

ТАМБУРМАЖОР. Что за бред он несет?

ВОЙЦЕК. Я пришел сказать тебе, что во мне что-то движется, движется, но никак не может вырваться. Движется, но не может вырваться, Мария...

Войцек опускается перед ней на колени.

МАРИЯ. Ты спятил, Войцек. Видел бы ты сейчас свои глаза.

ВОЙЦЕК. Может я и спятил, разве важно это сейчас. Ведь я пришел сказать тебе о чем-то более важном, чем мое безумство.

МАРИЯ. А что в мундире?

ВОЙЦЕК. Дитя! Я принес тебе твое дитя, Мария. Сегодня такая беспокойная ночь, возьми его на руки, пусть хоть кто-то сегодня будет спать спокойно.

ТАМБУРМАЖОР. Эта безродная собака совсем спятила!

Ребенок плачет, Мария вырывает сверток из рук Войцека. Тамбурмажор толкает его ногой, Войцек валится на бок.

ВОЙЦЕК. Мария, Мария, Мария... я принес тебе ребенка, чтобы он успокоился, чтобы в эту страшную ночь хоть кто-то был спокоен. Младенец всегда почувствует руки родной матери, но почему же он плачет, Мария, почему же он плачет?

Войцек пытается на коленях подползти к Марии.

ТАМБУРМАЖОР. Куда ползешь, червяк?

Тамбурмажор поднимает Войцека за шиворот и с силой бьет его в лицо, Войцек делает несколько шагов, чтобы удержаться на ногах, но все же снова валится на пол. Пауза.

ВОЙЦЕК. Как тут грехом пахнет! Да что пахнет! Так смердит, что ни один ангел не выдержит... Губы-то у тебя какие алые, Мария. Нет ли на них мозолей?

ТАМБУРМАЖОР. Не смей! Закрой свой рот и проваливай, пока я из тебя душу не вытряс!

МАРИЯ. Не тронь его, с него хватит.

ВОЙЦЕК. Ничего не вижу, ничего не хочу видеть! Как выбросить из памяти все это, Мария? Вот дьявол!.. Как прижимал тебя он, Мария! Огонь! Огонь в глазах, но я все вижу.

МАРИЯ. Мало ли что увидишь, коли не слеп и солнышко светит.

ВОЙЦЕК. Мария!.. Ведь пришел сказать тебе, что движется во мне все, как половина луны ко второй половине. Все движется к тебе, все тело мое, моя нежность, мой страх, моя грусть, мое отчаяние. Все мысли о тебе, о мире, ведь ты - мой мир, в котором я живу, песчинка в твоём мире. Укрой меня, Мария, как туманная граница укутывает поля вокруг нашего города, обволоки, как туманная граница берега нашего озера. Ведь мы целое...

МАРИЯ. Да сколько можно? Мы целое? Какое целое, как половины луны, которые встречаются лишь на пару часов? Вино с бутылкой, тоже целое, а если вылить это вино в сточную канаву - все, прощай твоё целое на вечно. Войцек, зачем хранить одно вино годами?

ВОЙЦЕК. Оно от этого вкуснее.

МАРИЯ. Зачем мне вкус вина, когда мне хочется напиться? Мне жажду утолить, а не смаковать по маленьким глоточкам. Взахлеб вина, бокалом, да хоть ведром. И тем, что движется в тебе, им нужно упиваться, а не жалеть в себе. Боишься потерять - так потеряешь! А ты все бережешь?..

ВОЙЦЕК. Так для тебя, Мария?

МАРИЯ. А мне оно зачем? Зачем мне то, что мне дают по крохам, урывками, в час службы. Скажи: люблю тебя, Мария!.. Молчишь?

ВОЙЦЕК. Но ведь слова... они звенят не долго. И тишина потом.

МАРИЯ. При чем тут тишина, ты совсем спятил, что не слышишь чего прошу я от тебя? Скажи: люблю тебя, Мария!

ВОЙЦЕК. Но ведь она над всем. Вокруг всего.

МАРИЯ. Люблю тебя, Мария! Слышишь? Люблю тебя, Мария, а тишина, плевать я на нее хотела! Ты глупый, Войцек, слова мои должны звенеть не в тишине! А тут, в моей груди. Что замер, глупый Войцек? Не понял?..

Мария смеется. Пауза.

ВОЙЦЕК. Люблю тебя, Мария...

ТАМБУРМАЖОР. Болван. Какой же ты болван!

ВОЙЦЕК. Люблю тебя, Мария...

МАРИЯ. Он прав, несчастный Войцек...

ВОЙЦЕК. Ах ты тварь!

Войцек бросается на нее.

МАРИЯ. Только тронь! Лучше зарежь, а бить не бей! Меня в десять лет отец родной и то не смел пальцем тронуть, стоило мне на него взглянуть.

Мария спокойно разворачивается, выходит. Пауза.

ТАМБУРМАЖОР. Ах, хороша, Мария, как грех во плоти... Может ли грех быть так хорош?..

Войцек бросается на Тамбурмажора, хватая его за грудки, пытается сдвинуть с места, но только рвет на нем мундир.

ТАМБУРМАЖОР. Ах ты, свинья!.. Ну что ж, оставь его себе, а капитан пошлет мне новый! Играй, музыка!

Тамбурмажор набрасывает порванный мундир на голову Войцеку, бьет. Затемнение. Громко играет оркестр.

12. Городская площадь.

Войцек сидит спиной к стене пытаясь укутаться в мундир Тамбурмажора. По его речи мы понимаем, что он бредит.

ВОЙЦЕК. Шибче! Шибче! Тра-ля-ля! Там-та-та-там! Скрипки играют, флейты... Шибче!.. Замолкни, музыка! Что это? Я слышу голос из-под земли!

Войцек припадает к земле.

ВОЙЦЕК. Ха! Что, что, не разберу? Громче, громче! Зарежь, зарежь волчицу?.. Зарежь, зарежь... волчицу. Это мне? Это я должен?.. И еще откуда-то слышится... И ветер о том же?.. Все звучит и звучит в ушах: зарежь, зарежь!

Появляется дурачок Карл.

КАРЛ. И сказал великан: чую, чую запах человечины! Фу, как сердит. Как сердит великан!

ВОЙЦЕК. Шибче! Шибче!.. Замолкни, музыка! Что это? Зарежь, зарежь волчицу?.. Зарежь, зарежь... волчицу. Это мне? Это я должен?..

КАРЛ. Зарежь, зарежь волчицу?

ВОЙЦЕК. Кто здесь?

КАРЛ. Карл пришел ради старых подметок, отдай сапоги, а Карл скажет, Карл скажет.

ВОЙЦЕК. Карл, это ты: Ты слышишь? Слышишь это... зарежь, зарежь волчицу.

КАРЛ. Зарежь, зарежь волчицу!

ВОЙЦЕК. Так слышишь?

КАРЛ. Карл сказал, разве ты не услышал? Хочешь с больной головы на здоровую переложить? Отдай сапоги, отдай голову, а когда твоя голова ответит тебе, будет уже утро, утром скот выгоняют, каждое утро скот выгоняют.

Карл тянется за вещмешком, но Войцек останавливает его.

ВОЙЦЕК. Не тронь. Он со мной. У нас уговор.

КАРЛ. Уговор - слова. Позвенели и рассыпались. Верни на место, верни кому принадлежит. Половинки луны сойдутся, сам ведь хочешь, Войцек.

ВОЙЦЕК. Не сойтись уже. И если я, живой человек, никому не нужен, кому же нужна только голова?

КАРЛ. Снимай сапоги, а Карл отнесет туда, где ей место, где покой. А ты, ты рядом иди, а как придем - голову омой, ноги омой, уши омой, и глаза. За туманной границей неряхой не ходят. От белого воротничка пар идет - щеки в тумане греет. Рожу скобли, как на свадьбе, ногти грызи, как на похоронах.

ВОЙЦЕК. Эх, братец Карл, меня сейчас такая тоска берет, будто в нутре ведро слез скопилось. И не до свадьбы мне, и не до похорон.

КАРЛ. Слушай Карла, Карл говорит так, что даже камыш слушает. Снимай сапоги, Карл Андреса отнесет бережно, как кораблик из коры весенний ручей несет. А взамен, взамен Карл тебе подарок продаст.

ВОЙЦЕК. Как это подарок продаст?

КАРЛ. Дай монету, а она тебе горшком серебра обернется.

Войцек роется в карманах, находит монету, отдает Карлу. Карл пробует ее на зуб, радостно вставляет ее себе в глаз.

КАРЛ. Хорошая монета. Красивая, как око зверя. Блестит, Войцек?

ВОЙЦЕК. Блестит.

КАРЛ. Как око зверя?

ВОЙЦЕК. Нет, как клыки его.

КАРЛ. Войцек врет Карлу. Клыком не монета блестит, а вот что!

Карл достает из-за пазухи нож. Лижет его.

КАРЛ. Родное не ранит. Чувствует. Попробуй.

Войцек берет нож, проводит им по руке.

ВОЙЦЕК. Тупой, как расческа капитана.

КАРЛ. Кого-то бык растопчет - ничего, а кого и оса штыком жалит.

Карл стягивает с Войцека сапоги.

ВОЙЦЕК. Что ты делаешь?

КАРЛ. Уговор. Купил подарок, а сапоги теперь сами идут: топ-топ, топ-топ. Цок!

Эхо разносит голос Карла. Пауза.

ВОЙЦЕК. Опять... Опять, слышишь... Зарежь, зарежь волчицу?.. Зарежь, зарежь... волчицу. Это мне? Это я должен?.. И еще откуда-то слышится... И ветер о том же?.. Все звучит и звучит в ушах: зарежь, зарежь!

КАРЛ. Идем со мной. Проводи друга. Кто знает где солнце встает у того и дело делается, а от воды всегда холодом веет. Пойдем, Войцек, умоем головы наши.

ВОЙЦЕК. Ну пойдем. Ты, Карл умалишенный, и я, Фридрих Иоган Франц Войцек, рядовой четвертой роты второго батальона второго пехотного полка, родился двадцатого июля, в день Благовещения... Мне сегодня тридцать лет, семь месяцев, и двенадцать дней... Идем, Карл...

КАРЛ. Ты вперед иди, а я за тобой шаг в шаг - теплее будет.

Войцек и Карл делают несколько шагов. Войцек останавливается.

ВОЙЦЕК. Страшно в тишине... Расскажи, Карл, как ты на свет появился.

КАРЛ. Как-как... Жил-был на свете бедный мальчик, ни отца у него, ни матери, все померли, и никого на всем свете не осталось. Ну вот, померли, значит, все, а он ходит, все ищет, и днем ищет, и ночью. А не найдя на земле, решил поискать на небе - там месяц такой ласковый светит. А как пришел к месяцу, смотрит - ан это гнилушка. Пошел он тогда к солнцу, а как пришел, смотрит - ан это вялый подсолнечник. А как к звездам пришел, смотрит - это маленькие золотые жучки, насаженные на булавки. Захотелось ему обратно на землю - глянь, а вместо земли - горшок перевернутый. Так он и остался один-одинешенек. Сел он тогда и горько заплакал. Так и сидит до сих пор, и все один да один. А из слезинки уже и я родился...

Уходят.

13. Берег.

Войцек стоит в мундире Тамбурмажора.

ВОЙЦЕК. Я спокоен, пульс у меня шестьдесят, и я буду счастлив. Кто же станет волноваться из-за человека. Я буду счастлив.

На берегу появляется Мария, Войцек замечает ее, отходит в сторону. Мария вглядывается в предрассветные сумерки, замечает его, медленно подходит, обнимает его со спины.

МАРИЯ. Ты ждал меня?

ВОЙЦЕК. Нет, я ждал твою тень.

Мария отстраняется от Войцека.

МАРИЯ. Ты?

ВОЙЦЕК. Кроме меня тут никого нет.

МАРИЯ. Почему ты в его мундире?

ВОЙЦЕК. Это только оболочка, Мария, а внутри я пустой. Видишь, я могу быть разным, каким захочешь, Мария.

МАРИЯ. Снова несешь какой-то бред. Зачем ты здесь?

ВОЙЦЕК. Я купил тебе подарок.

МАРИЯ. Мне от тебя уже ничего не нужно.

ВОЙЦЕК. Как же так, Мария, ведь ты любишь подарки.

МАРИЯ. Я люблю подарки, которые делаются от чистого сердца.

ВОЙЦЕК. Но этот подарок от моего сердца, Мария. Я никогда не знал, что подарить тебе, но сегодня понял. Смотри, луна соединилась, Мария, ведь это так прекрасно.

МАРИЯ. Скоро взойдет солнце.

ВОЙЦЕК. Да, но ведь луна останется. Даже когда восходит солнце, луна все равно видна на небосводе несколько часов. Смотри, половинки луны целуются. Это так красиво.

МАРИЯ. Я уже видела, как сходятся луна.

ВОЙЦЕК. Нет, Мария, "сходятся" неправильное слово, оно очень жесткое. Они не сходятся, они сливаются, слышишь, как это красиво звучит: сливаются.

Смотри, вечером этого уже не увидишь, их поцелуй закончится, и целый месяц они будут облизывать губы, Мария.

МАРИЯ. Чего ты от меня хочешь, Франц?

ВОЙЦЕК. Поцелуй меня, Мария.

МАРИЯ. Зачем?

ВОЙЦЕК. Потому что ты еще любишь меня.

МАРИЯ. А ты, ты любишь меня?

ВОЙЦЕК. Конечно люблю! Слышишь, теперь я могу спокойно говорить это - я люблю тебя, Мария!

МАРИЯ. Нет, Войцек, это все неправильно, я предала твою любовь.

ВОЙЦЕК. Я прощаю тебя.

МАРИЯ. Мне не нужно твое прощение, кто тебе вообще сказал, что я нуждаюсь в нем.

ВОЙЦЕК. Ты сама, ты сама, Мария, сказала об этом, когда пришла сюда.

МАРИЯ. Я пришла не к тебе.

ВОЙЦЕК. Неправда, просто ты не знала, куда ведет тебя твоя тень.

МАРИЯ. Я не шла за своей тенью, это она бежала за мной.

ВОЙЦЕК. Значит, она подталкивала тебя в спину.

МАРИЯ. Нет.

ВОЙЦЕК. Да, Мария, ты не просто так пришла сюда. Подойди и поцелуй меня, Мария.

МАРИЯ. Я не стану делать этого.

ВОЙЦЕК. Тогда я сам подойду к тебе.

Войцек медленно подходит к Марии, долго целует ее. Пауза.

МАРИЯ. На твоих губах соль. Ты плачешь, Франц?

ВОЙЦЕК. Да, Мария, и не стыжусь слез своих. Я люблю тебя, Мария!

Войцек снова целует Марию, но она отстраняется.

МАРИЯ. Я поняла, поцелуем своим ты отрекаешься от меня?

ВОЙЦЕК. Нет, Мария, наоборот, я признаюсь тебе в вечной любви. Вот мои руки, Мария, они горят желанием обнимать тебя, вот глаза мои, они хотят вечно видеть только тебя, губы мои хотят целовать только тебя.

Войцек целует Марию, но она снова отстраняется.

МАРИЯ. Нет, Войцек, я не верю тебе. Губы твои холодны, руки не трясутся от желания, а глаза, как потухшие угли - черны, и уже не греют меня.

Пауза.

ВОЙЦЕК. И ты чувствуешь это, Мария... а я больше ничего не чувствую, это все обман. Я пустой внутри, как земля. Пустой и целый, и от этого ничего не может вырваться из меня. Я люблю тебя, Мария. И все! И все, слова падают на траву, они даже не долетают до твоих губ... Дай, я еще раз поцелую тебя, Мария.

МАРИЯ. Нет. Хватит.

ВОЙЦЕК. Это ты, это ты сама, Мария, отрекаешься от меня...

Пауза.

ВОЙЦЕК. Помнишь, Мария, когда это у нас с тобой началось?

МАРИЯ. На Троицу два года будет.

ВОЙЦЕК. А знаешь, сколько еще осталось?

МАРИЯ. Ничего не осталось, Франц.

ВОЙЦЕК. Ты дрожишь, тебе холодно? А сама теплая. Губы-то и вовсе горячие! Горяча, горяча шлюхина кровь! И все ж я отдал бы царство небесное, только бы тебя еще раз поцеловать!.. Тебе холодно? Как похолодеешь, не будешь больше мерзнуть. По утренней росе тебе уж не дрожать.

МАРИЯ. Что ты такое говоришь?

ВОЙЦЕК. Ничего. Смотри, они снова разошлись, Мария, их поцелуй снова прервался, в этом месяце он очень короток...

МАРИЯ. Что ты задумал? Франц, ты весь белый!

В руке Войцека появляется нож.

МАРИЯ. Франц, опомнись!

ВОЙЦЕК. Нет, Мария. Я абсолютно спокоен, пульс у меня шестьдесят, и мы будем счастливы! Мы будем счастливы, Мария.

Войцек бьет Марию ножом в горло, но через мгновение, как будто опомнившись, отшатывается назад.

МАРИЯ. Это твой подарок, Войцек? Всего-навсего дешевая нитка красного жемчуга? Как же ты скуп, Войцек.

ВОЙЦЕК. Нет! Я осыплю тебя жемчугом!

Войцек бросается к Марии, он в беспамятстве машет ножом, но не задевает Марию. Мария обходит его кругом, смеется.

ВОЙЦЕК. Вот тебе, вот тебе! Никак не помрешь? Мало тебе? Мало?.. Ха, еще дергается. А теперь? А теперь? Все еще жива. Вот, теперь готова! Мертва! Мертва!

МАРИЯ. Права была Вилда. Ну что ж, раз гореть - значит так, чтобы и пепла не осталось.

Мария подходит к Войцеку сзади, обнимает, сдерживая его руки. Войцек успокаивается, Мария разворачивает его к себе лицом, и они сливаются в долгим поцелуе. Мария медленно оседает, Войцек остается стоять перемазанный кровью.

ВОЙЦЕК. Мария? Мария! Тихо. Все тихо! Что это ты такая бледная, Мария? И что за красные бусы у тебя на шее? С кем согрешила за это ожерелье? У тебя грехов столько было, что клейма ставить негде. Удалось мне тебя очистить? Отчего волосы твои так растрепаны? Заплетала ли ты косы нынче?..

Мария лежит неподвижно. Из тумана появляется Вилда, в ее руках банка с головой Андреса.

ВИЛДА. Это ветер растрепал ее косы. Вода сегодня снова серая, Войцек.

ВОЙЦЕК. Холод и ветер делают воду серой, я помню, Вилда.

ВИЛДА. Пойди, умойся, Войцек. Охлади голову, и отмой кровь, за туманной границей все одинаково чистые. Не хорошо, если Мария встретит тебя таким.

ВОЙЦЕК. А она уже там?

ВИЛДА. На самом деле мы все там, только понимаем это, когда возвращаемся. Иди, Войцек, отмойся.

Войцек идет к воде, опускается на колени, умывается.

ВИЛДА. Так намного лучше. Ступай, не заставляй ее ждать.

Войцек встает, идет в воду. На какой-то момент нам кажется, что он идет по воде, но это не так. С каждым шагом вода и туман поглощают его, и вскоре, его фигура полностью исчезает в сером морозе.

ВИЛДА. Спасибо за подарок, Войцек.

Вилда разводит руки в стороны, ударяет в ладоши и половинки луны сливаются в поцелуе. Темнота. Через мгновение начинается рассвет.

14. Городская площадь.

Судья держит в руке кружку пива.

СУДЬЯ. Хорошее убийство, настоящее убийство, прекрасное убийство. Лучше и требовать нельзя. С каждым днем в нашем городе становится веселее жить, друзья. Всем пришедшим на суд по кружке пива! (*толпа ликует*) Это великолепное убийство! Самое настоящее убийство, какое я только мог видеть или представить себе. А у меня прекрасная фантазия, правда, фройлен Ирмалинда (*все смеются*). Итак, сегодня мы судим Фридриха Иогана Франца Войцека, рядового четвертой роты второго батальона второго пехотного полка, за нападение на господина Капитана, находившегося при исполнении своих должностных обязанностей, срыв эксперимента за договором 134/42, заключенного между выше обозначенным Фридрихом и бла-бла-бла, и господином Доктором, повлекший за собой тяжелейшую моральную травму и невосстановимый... можно говорить невосстановимый?

ДОКТОР. Я думаю, вам можно.

СУДЬЯ. И невосстановимый урон для медицины и науки в целом. А так же, внимание... Убийство! Да-да, друзья мои, великолепное убийство нашей доброй горожанки Марии Краузе, повлекшее за собой осиротение ее ребенка. Осиротение - нормальное слово?

ДОКТОР. Вполне. Не забудьте добавить про ребенка, господин Судья.

СУДЬЯ. Ах да, сирота переходит в фонд помощи медицине и на личное усмотрение господина Доктора. Итак, ввести подсудимого!

Звучит оркестр. Горожане расступаются. Два охранника держат пустые кандалы.

СУДЬЯ (*тихо капитану*). Что это значит, господин Капитан?

КАПИТАН. Он пропал.

СУДЬЯ. Как это пропал? Сегодня мои именины, а суд срывается?

КАПИТАН. Дабы не испортить вам праздник, я решил, что Войцека можно судить и, скажем так, заочно.

СУДЬЯ. Да как же заочно? Куда он мог пропасть, не за туманную же границу он ушел.

КАПИТАН. Не знаю, но его нигде нет. Обшарили все, словно в воду канул.

СУДЬЯ. Но мы же должны кого-то судить?

КАПИТАН. Черт знает что! Судите пустые кандалы!

СУДЬЯ. Я вам это припомню! (*горожанам*) В виду того, что по решению суда, выше обозначенный Войцек, за столь тяжкие преступления приговорен к изгнанию за туманную границу (*толпа испугано шепчется*) приговор приведен в исполнение сегодня же ночью... А эти кандалы...

КАПИТАН. А эти кандалы приказываем повесить под городскими часами, и будут служить они вам вечным напоминанием, что ни один из вас никогда не уйдет от правосудия! Возрадуйтесь, скоты! Оркестр, музыку!

Оркестр играет. Горожане ликуют и танцуют. Из этого шума возникает голос Войцека.

ВОЙЦЕК. Шибче! Шибче! Вертитесь! Прижимайтесь! Почему Господь не погасит солнце, чтоб все живое сплелось в непотребстве - мужчины и женщины, люди и скоты?.. Валяйте средь бела дня, валяйте у всех на глазах, как мошкара какая... Как же тут грехом пахнет! Да что пахнет! Так смердит, что ни один ангел не выдержит... Шибче! Шибче! Шибче!

Конец.

*Минск.
2014г.*

*dm.bgslvsk@gmail.com
mob. +375 29 572 79 19*